U 126
2456
1840

750 399-4-55
126
2456

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

и

КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV

въ 1840 г.

Изъ Записокъ Ѳедора Яковлевича Мирковича.

Оттиски изъ историческаго журнала „Русская Старина“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. № 78.
1886.

И 126/2456

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

и

КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV

въ 1840 г.

Изъ Записокъ Ѳедора Яковлевича Мирковича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. № 78.
1886.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Іюля 1886 года.

2007050021

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
24859-44

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV

въ 1840 г.

Изъ Записокъ Ѳедора Яковлевича Мирковича.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1840 года императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ изъ Кіева въ Варшаву, остановился въ Брестѣ-Литовскомъ для осмотра крѣпости. На встрѣчу государю прибыли въ Брестъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, и вновь назначенный виленскій генералъ-губернаторъ генералъ Мирковичъ.

Въ кратковременное свое пребываніе въ Брестѣ, государь не ограничился осмотромъ казармъ, арсеналовъ и прочихъ заведеній крѣпости, но пожелалъ ознакомиться съ положеніемъ края и подробно разспрашивалъ новаго генералъ-губернатора о дѣлахъ, при чемъ высказывалъ и свои взгляды по многимъ важнымъ вопросамъ. Тогда же онъ возложилъ на генерала Мирковича порученіе отправиться въ Кенигсбергъ, для привѣтствованія короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, по случаю торжества принесенія ему присяги.

Обстоятельства эти подробно описаны въ помѣщаемомъ здѣсь отрывкѣ изъ дневника генерала Мирковича, веденнаго имъ въ августѣ 1840 года.

Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, во время продолжительной своей служебной дѣятельности, былъ свидѣтелемъ и участникомъ многихъ событій первой половины текущаго столѣтія. Молодымъ офицеромъ онъ совершилъ походы 1812 и 1814 годовъ; впослѣдствіи былъ призванъ къ дѣятельности государственной, занимая должности вице-предсѣдателя диванова княжествъ Молдавіи и Валахіи съ 1828 г. по 1834-й и виленскаго генералъ-губернатора — съ 1840 по 1850-й годъ. Кромѣ того, онъ принималъ живое участіе въ развитіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній, будучи директоромъ 2-го кадетскаго корпуса съ 1834 по 1840-й годъ и подъ конецъ своей жизни

членомъ совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній. По всѣмъ этимъ отраслямъ своей дѣятельности Федоръ Яковлевичъ оставилъ записки и бумаги.

Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ скончался 4-го мая 1866 г., на 77 году отъ рожденія, въ г. Луцѣ, и погребенъ въ Троицко-Сергіевой пустынѣ, близъ Спб.

I.

13-го августа 1840. Съ ранняго утра все ждало фельдмаршала: почетный караулъ и всѣ военные. Я отправился къ княгинѣ Паскевичъ [1]) въ 8 часовъ утра. Она уже была готова и тотчасъ меня приняла, около получаса разговаривала со мною и, между прочимъ, коснулась о предстоящемъ пріѣздѣ императрицы въ Варшаву и о затрудненіи представить ей дамъ въ русскихъ платьяхъ. Въ 9 часовъ княгиня, видя, что фельдмаршала еще нѣтъ, сказала мнѣ: „j'étais sûre qu'il ne viendrait pas“, и отправилась въ дальнѣйшій путь. Я опять поѣхалъ домой ожидать извѣстія, чрезъ передоваго, о пріѣздѣ князя. Въ 11 часовъ пришло это извѣстіе и всѣ собрались на квартиру фельдмаршала, для встрѣчи. По пріемѣ почетнаго караула, князь направился въ свои покои и, увидѣвъ меня у лѣстницы, съ рапортомъ, поздоровался со мною, пожавъ мнѣ руку, и повелъ съ собою, по лѣстницѣ. Взойдя на верхъ и сказавъ нѣсколько словъ генералу Малиновскому, командующему корпусомъ, мнѣ и генералъ-лейтенанту Берникову (начальнику дивизіи), принялъ въ залѣ ординарцевъ. Затѣмъ онъ всѣхъ отпустилъ, а меня позвалъ въ особую комнату и сталъ распрашивать о духѣ края и о дѣлахъ слѣдственной коммисіи.

Разговоръ его со мною былъ откровенный и пріязненный.

Князь высказывалъ свое мнѣніе о полякахъ и объяснялъ правила, коими онъ руководствуется, чтобы ихъ держать въ порядкѣ.

---

[1]) Княгиня Паскевичъ ѣхала изъ своихъ имѣній въ Варшаву и предполагала въ Брестѣ встрѣтить князя.

Оставивъ князя, я возвратился домой и принялся за кипу дѣлъ, меня ожидавшихъ, а полковнику Ушакову поручилъ доложить князю, что обѣдъ для него приготовленъ и что я прошу обѣдъ этотъ отъ меня принять. Вслѣдъ за симъ я получилъ отвѣтъ князя, что онъ благодаритъ за предложеніе и проситъ назначить обѣдъ въ 5 часовъ, а приглашенія къ обѣду сдѣлать по моему назначенію.

Около 2 часовъ, пока я сидѣлъ за бумагами, совершенно неожиданно, князь пришелъ ко мнѣ пѣшкомъ и пробылъ у меня съ полчаса; былъ очень любезенъ, разговорчивъ и особенно ко мнѣ внимателенъ. Въ 5 часовъ собрались къ фельдмаршалу обѣдать человѣкъ двадцать. Князь, спросивъ гдѣ ему садиться, посадилъ по правую сторону Малиновскаго, а по лѣвую меня.

За столомъ общаго разговора не было, но, подъ конецъ обѣда, князь, вспоминая о разныхъ сраженіяхъ, говорилъ пріятно и съ жаромъ. Когда всѣ разошлись по домамъ, я занялся новыми распоряженіями въ ожиданіи пріѣзда государя императора, такъ какъ отъ фельдмаршала узналъ, что его величество и государь наслѣдникъ цесаревичъ изволятъ слѣдовать въ одно время съ императрицею.

14-го августа. Съ 7 часовъ до 9 я занимался дѣлами. Потомъ поѣхалъ къ фельдмаршалу, но не засталъ его дома; онъ пошелъ пѣшкомъ осматривать казармы. Догнавъ его, я съ нимъ обходилъ крѣпость и, возвратившись ко дворцу, мы узнали, что кухня государева уже пріѣхала. Князь сталъ разспрашивать Жибона [1]), когда онъ выѣхалъ, когда государь назначилъ свой выѣздъ, и соображать съ большою заботливостію, въ которомъ часу можетъ прибыть императоръ. По разсчету выходило, что государь не можетъ пріѣхать ранѣе седьмаго часа, но заботливый князь пригласилъ насъ обѣдать къ себѣ въ часъ, въ полной формѣ, чтобы быть увѣреннымъ, что никто не опоздаетъ къ встрѣчѣ. Мы собрались къ столу въ назначенное время. Князь посадилъ меня съ правой стороны, а Малиновскаго съ лѣвой; обѣдъ шелъ очень скоро. Съ послѣднимъ блюдомъ одинъ изъ лакеевъ входитъ съ поспѣшностію и говоритъ: „Государь ѣдетъ!“ Фельдмаршалъ

[1]) Повара государя.

вскочилъ, закричалъ: „шляпу!“ и побѣжалъ съ лѣстницы. Мы всѣ за нимъ; смотримъ во всѣ стороны, разспрашиваемъ, кто привезъ извѣстіе,—никто ничего не знаетъ. Вышла фальшивая тревога. Однако, фельдмаршалъ и всѣ мы оставались съ полчаса на плацу въ ожиданіи.

Въ 6 часовъ государь изволилъ пріѣхать съ наслѣдникомъ. Поздоровавшись съ фельдмаршаломъ и обнявъ его, онъ обошелъ почетный караулъ, поздоровался съ людьми, поклонился генераламъ и слѣдовалъ въ покои. Я стоялъ у крыльца, чтобы представить государю рапортъ. Его величество, принявъ рапортъ, изволилъ взять меня за руку, войти со мною до лѣстницы и спросить: „здоровъ ли ты? что у тебя дѣлается?“

Выслушавъ мои отвѣты, государь обратился къ фельдмаршалу, взялъ его подъ руку, взошелъ на верхъ и осматривалъ покои дворца, которыхъ еще не видѣлъ.

Потомъ остановился въ угловой комнатѣ съ наслѣдникомъ и фельдмаршаломъ и позвалъ генерала Дена [1]) и строителя укрѣпленій инженернаго полковника.

Императоръ разспрашивалъ въ полной подробности о крѣпостныхъ работахъ и разсматривалъ планы.

Между тѣмъ мы всѣ ожидали въ большой залѣ возлѣ той комнаты. Когда это кончилось, государь отпустилъ князя и пошелъ въ кабинетъ; всѣ разошлись и я собирался уйдти, какъ вдругъ наслѣдникъ изволилъ возвратиться въ залу и сказалъ: „генералъ Мирковичъ, пожалуйте къ государю“. Я вошелъ въ кабинетъ. Императоръ стоялъ посреди комнаты. Онъ подалъ мнѣ руку и затѣмъ сѣлъ на диванъ, передъ которымъ стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. Наслѣдникъ сѣлъ съ боку, на стулѣ.

Государь предложилъ мнѣ чаю и тутъ начался слѣдующій памятно мнѣ разговоръ.

— „Ну, разсказывай, что у тебя дѣлается?“

— „Слава Богу, государь, все благополучно, я уже объѣхалъ и осмотрѣлъ всю Минскую губернію и бо́льшую часть Гродненской и вездѣ нашелъ все совершенно спокойно, въ чемъ получилъ и удостовѣренія губернаторовъ. Слѣдственная коммисія съ величайшимъ

---

[1]) Начальникъ инженеровъ арміи.

вниманіемъ преслѣдуетъ свое дѣло, но до сего времени ни одно замѣчательное лицо не подверглось сомнѣнію: кромѣ студентовъ и молодежи, никто тутъ не замѣченъ и кажется, что все это окончится школьничьимъ замысломъ. Духъ этихъ лицъ весьма нехорошъ, но слѣдовъ заговора или тайнаго общества никакихъ не усматривается".

— „Слава Богу!"

„По моему мнѣнію, ваше величество, намъ заговоровъ страшиться нечего: поляки слишкомъ научены къ какому результату они ведутъ и, при всей легкомысленности ихъ, не легко будетъ къ тому ихъ подбить. Пропаганда ограничивается нынѣ распространеніемъ своихъ правилъ между молодежью, которую легче соблазнить и обмануть; но настоящіе замыслы поляковъ хитрѣе и опаснѣе: они рѣшились, особенно женщины, питать въ дѣтяхъ ненависть къ намъ и поддерживать мечты своей національности. Я считаю, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо, правительство должно взять въ свои руки дѣло воспитанія и онымъ рѣшительно управлять. Открытыя заведенія не принесутъ плода. Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало величайшія усилія для здѣшняго края, обставило свои заведенія отличными людьми (я вездѣ осматривалъ училища и вездѣ нашелъ людей достойныхъ), ввело русскій языкъ основательно, — но далѣе ничего не можетъ сдѣлать въ нравственномъ отношеніи, ибо то, что юношеству внушается въ классахъ, уничтожается въ родительскихъ домахъ и мы остаемся на той же точкѣ. Здѣсь необходимы закрытыя заведенія, отъ которыхъ только должно ожидать образованія новаго поколѣнія людей".

— „Я съ тобою совершенно согласенъ, но гдѣ мнѣ взять денегъ? Я этого не могу никакъ сдѣлать; средства не позволяютъ. Пусть они дадутъ денегъ, я буду очень радъ имъ кадетскій корпусъ устроить".

„Я желалъ только знать мнѣніе вашего величества. Въ согласіи дворянства я почти увѣренъ, ибо изъ разговоровъ съ ними видѣлъ, что они отъ этого не откажутся, и ежели позволите мнѣ дѣйствовать, я надѣюсь съ успѣхомъ исполнить ваше намѣреніе"

— „Прошу тебя. Я увѣренъ, что это принесетъ пользу. Я нынѣ видѣлъ Полоцкій корпусъ. Прекрасный".

„Вы изволили быть довольны, государь?"

— „Весьма и весьма доволенъ. Да вѣдь и ты, кажется, тамъ былъ. Какъ ты туда попалъ?“

„Я былъ въ Диснѣ, въ 30 верстахъ отъ Полоцка, и не утерпѣлъ, государь; любопытство меня взяло посмотрѣть на это заведеніе. Я туда пріѣхалъ неожиданно и нашелъ все въ совершенномъ порядкѣ“.

— „Да, дѣйствительно, корпусъ очень хорошъ“.

„Другое важное нынѣ обстоятельство въ краѣ—это уничтоженіе Литовскаго Статута и введеніе россійскихъ гражданскихъ законовъ“.

— „Развѣ это еще не кончено?“

„Министру юстиціи я представилъ, государь, что препятствія къ тому никакого нѣтъ, но мнѣніе мое по предмету введенія Россійскихъ законовъ различно отъ мнѣнія, представленнаго генераломъ Бибиковымъ [1]), и разрѣшенія на то еще никакого не послѣдовало“.

— „Да, я помню. И я согласился съ твоимъ мнѣніемъ“.

Я поклонился государю и продолжалъ: „Въ добавокъ моего мнѣнія я послалъ министру и новые штаты“.

— „Что касается штатовъ, то мнѣ не изъ чего прибавлять; развѣ настоящихъ мало?“

„Мало, ваше величество. Всей прибавки по моимъ четыремъ губерніямъ требуется 28,000 руб. сер. Впрочемъ, ежели это стѣсняетъ государственную казну, то можно этотъ расходъ отнести на земскую повинность, что будетъ и правильно“.

— „А, это дѣло другое. Своихъ денегъ сколько они хотятъ. Я думаю, они меня жестоко ругаютъ. Я знаю, что они меня терпѣть не могутъ и злодѣйскіе замыслы ихъ безпрестанно противъ меня возобновляются. Вотъ нынѣ еще, въ Кіевѣ, задержали одного злодѣя, который шелъ на меня“.

Наслѣдникъ, который, вѣроятно, объ этомъ ничего не зналъ, вздрогнулъ и вскричалъ: какъ!

— „Да, продолжалъ государь, одинъ изъ сосланныхъ на Кавказъ поляковъ проникъ въ Кіевскую губернію съ своимъ намѣреніемъ и былъ захваченъ ихъ же помѣщикомъ, княземъ Четвертинскимъ, который его представилъ. Да я на это не смотрю;

---

[1]) Тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ.

я свое дѣло твердо продолжаю, до того времени, когда они меня поймутъ. Я считаю, что ежели-бы я иначе дѣйствовалъ, я бы взялъ на себя отвѣтъ передъ Богомъ, передъ Россіею и передъ нимъ“ (указывая на наслѣдника).

Я старался государя успокоить, говоря, что въ характерѣ поляковъ болѣе легкомыслія, чѣмъ мести, что легкомысліе это, соединенное съ совершеннымъ невѣдѣніемъ силы, могущества и просвѣщенія Россіи, при всякомъ подстрекательствѣ, питаетъ ихъ мечты о возстановленіи Польши; что это должно само собою упасть, коль скоро они узнаютъ все свое ничтожество, сравнительно съ нами. „Въ доказательство сего, государь, доложу вашему величеству, что при объѣздѣ моемъ всей Минской губерніи и большей части Гродненской всѣ тѣ дворяне, которые были въ нашей службѣ, видѣли Россію и живутъ нынѣ въ своихъ имѣніяхъ или занимаютъ какія нибудь должности, совсѣмъ другаго образа мыслей, и я ихъ считаю людьми надежными“.

— „Можетъ быть, отвѣчалъ государь, но до сего времени стремленіе ихъ вездѣ одинаково. Ты не слышалъ, что въ Галиціи случилось? Тамъ открытъ обширный заговоръ и обнаружилось, что въ ономъ приняли участіе войска и нѣкоторыя знатныя фамиліи. Вотъ къ чему ведетъ умѣренность и послабленіе. Я въ Кіевѣ получилъ это извѣстіе и эрцгерцогъ просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ на три дня въ Кіевъ, но я отвѣчалъ, что мнѣ недосугъ тамъ его ожидать, а ежели угодно ему, то можетъ пріѣхать въ Варшаву. Какъ ты нашелъ Минскую губернію и доволенъ ли губернаторомъ?“

„Я нашелъ, государь, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ совершенный порядокъ; губернаторъ, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, благонамѣренный, усердный и честный; одинъ въ немъ недостатокъ: онъ немного скоръ“.

— „Да, я за нимъ это замѣтилъ; у него это есть“.

„Что касается губерніи, то природа ее щедро надѣлила хлѣбородною землею, богатыми лѣсами и изобиліемъ водъ, но она еще очень пуста. Будь она въ рукахъ другихъ жителей, она была бы богатая. Но нынѣ во всѣхъ городахъ бѣдность, населеніе еврейское совершенно одолѣло христіанъ и кромѣ мелочной обманной ихъ торговли, никакой другой нѣтъ. Промышленность совершенно спитъ и никогда мѣстными людьми не

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

будетъ пробуждена. Помѣщики хотя и занимаются своими имѣніями и фабриками сами, но всѣ ихъ произведенія переходятъ въ руки жалкихъ евреевъ, ибо купеческаго сословія никогда въ Польшѣ не существовало, да и нынѣ онаго нѣтъ. Изъ всѣхъ городовъ Минской губерніи Пинскъ обратилъ на себя особенно мое вниманіе. Ежели Королевскій каналъ, соединяющій Муховецъ съ Пинною, а чрезъ нихъ Бугъ съ Припетью, будетъ доведенъ на будущій годъ до конца съ тѣмъ успѣхомъ, котораго по всѣмъ предположеніямъ можно ожидать, то Пинскъ въ рукахъ русскихъ сдѣлался бы другимъ Рыбинскомъ".

— „Неужели ты нашелъ, что Пинскъ такой важный пунктъ?"

„Дѣйствительно, государь, Королевскій каналъ, составляя соединеніе двухъ морей, Чернаго и Балтійскаго, въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ шлюзъ, уровень воды одинаковъ. Хотя вода въ каналѣ получается изъ болотъ но, на случай засухи, два водопровода будутъ съ избыткомъ питать каналъ водою изъ озеръ, лежащихъ выше канала. Весь каналъ долженъ быть оконченъ нынче; на будущій годъ остается расчистка Муховца и Припети. Обозрѣвъ работы, я приказалъ полковнику Швиковскому прибыть сюда, на случай, ежели-бы вашему величеству угодно было знать подробности производства работъ".

— „Очень хорошо сдѣлалъ, мнѣ весьма это будетъ любопытно. А Пинскъ порядочный городъ?"

„Онъ лучшій уѣздный городъ Минской губерніи; въ немъ болѣе 500 домовъ и улицы довольно правильно расположены, но большая часть народонаселенія—еврейское".

— „Ихъ бы надо выжить и водворить тамъ русскихъ купцовъ. Обдумай, какъ бы это сдѣлать; можно дать нашимъ привилегіи, которыя бы ихъ пріохотили тамъ селиться".

„Слушаю, ваше величество, я съ особеннымъ вниманіемъ этимъ займусь".

— „А что дѣлается въ Вильнѣ? Есть ли новыя постройки?"

„Въ Вильнѣ не производится, государь, ничего замѣчательнаго, кромѣ отдѣлки двухъ казенныхъ домовъ: одинъ для корпуснаго командира, другой для штаба. Оба будутъ къ осени готовы. Я не могъ еще Вильною особенно заняться, такъ какъ я человѣкъ новый, работа огромная, а помощниковъ не имѣю.

Правитель моей канцеляріи уже четвертый мѣсяцъ заграницею; дежурный штабъ-офицеръ въ отпуску уже два мѣсяца, а нынѣ и губернатора не имѣю".

— „Куда же дѣвался у тебя Долгорукій?"

„Онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ перемѣститься".

— „Что такъ?"

„Онъ усталъ, государь; губернія эта тяжелая и требуетъ огромныхъ трудовъ. Князь Долгорукій не могъ ихъ долѣе выдержать".

— „Да, это правда. Здѣсь дѣла побольше, да и граница къ тому же (близкая). Имѣешь ли ты кого нибудь въ виду?"

„Нѣтъ, ваше величество, никого не имѣю въ виду и осмѣливаюсь просить о назначеніи человѣка опытнаго и достойнаго. Здѣсь постъ губернатора весьма важенъ".

— „Мнѣ надо подумать; это я сдѣлаю уже по прибытіи въ Петербургъ. Между тѣмъ, ты вѣрно не ожидаешь, что я тебя хочу послать въ Кенигсбергъ къ королю. У нихъ, въ концѣ мѣсяца, тамъ будетъ совершенъ обрядъ присяги и я избралъ тебя, чтобъ отправить съ поздравленіемъ къ королю, какъ пограничнаго главнаго начальника. Я думаю, что завтра я успѣю написать письмо къ королю. Это порученіе доставитъ тебѣ случай съ нимъ познакомиться".

Обрадованный этою неожиданною милостію государя, я въ изъявленіе моей готовности поклонился. Затѣмъ государь всталъ. Замѣтивъ, что его величество хотѣлъ меня отпустить, я принялъ смѣлость доложить объ Огинскомъ, и, напомнивъ государю его исторію и условіе, которому онъ покорился, я присовокупилъ, что по прибытіи его въ Вильну я посадилъ его подъ арестъ и назначилъ судъ. Государь изволилъ сказать:

— „Ну, что-жъ, такъ и надо; только приговоръ не исполнять и представить мнѣ".

Тогда я присовокупилъ, что въ бытность мою въ Брестѣ я получилъ отъ виленскаго коменданта рапортъ и свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи О..... Такъ какъ онъ и тѣломъ, и духомъ до крайности слабъ, то, во избѣжаніе возможности смерти его въ заключеніи и для отстраненія всякаго нареканія въ жестокомъ обращеніи съ нимъ, я предписалъ коменданту перевести его на квартиру. Государь на это сказалъ:

— „Хорошо сдѣлалъ, только—подъ строгимъ карауломъ".

„Такъ я и предписалъ, ваше величество".

Государь подалъ мнѣ руку и сказалъ: „Прощай. Я долго не спалъ, мнѣ немного надо отдохнуть. А кадетскій корпусъ постарайся устроить". Наслѣдникъ тоже подалъ мнѣ руку и оба вошли въ опочивальню.

15-го августа. Заботы и волненіе долго не давали мнѣ заснуть, но въ 6 часовъ мнѣ надо было встать и въ 7 часовъ я былъ уже у графа Бенкендорфа, которому представилъ списокъ лицъ, которыя должны меня сопровождать въ Кенигсбергъ, и докладъ о назначеніи исправляющихъ должности генералъ-губернатора и военнаго губернатора, во время моего отсутствія, для представленія государю. Переговоривъ съ графомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, я пошелъ въ покои императора, для представленія его величеству утреннихъ рапортовъ. Тутъ собрались фельдмаршалъ, генералы и инженерные офицеры, находящіеся при строеніи крѣпости. Пока мы дожидались государя, фельдмаршалъ довольно долго разговаривалъ со мною о новыхъ волненіяхъ въ Галиціи и о полякахъ вообще, обвиняя ихъ въ лукавствѣ, въ притворномъ изъявленіи преданности. Въ примѣръ того, онъ привелъ, что въ варшавскихъ архивахъ найдены документы, доказывающіе связи и постоянное стремленіе къ возстановленію Польши такихъ лицъ, которыя были весьма близки къ трону и казались приверженными; что у нихъ былъ тайный комитетъ, учрежденный для направленія умовъ, и что найдены бумаги окружныхъ попечителей учебныхъ округовъ, въ которыхъ представлялись комитету вопросы, какъ имъ направлять воспитаніе юношества.

Императоръ вышелъ въ 8 часовъ, милостиво принялъ мой рапортъ, потомъ обратился къ коменданту и сказалъ:

— „Вчера, твой вечерній рапортъ былъ наполненъ ошибками и вздоромъ и даже, вмѣсто отъ 1-го батальона, у тебя написано отъ 6-го эшелона; откуда ты это взялъ? Это доказываетъ, что ты подписываешь не читавши". Потомъ, взявъ фельдмаршала, пошелъ къ экипажу, для осмотра крѣпости.

Всѣ слѣдовали за императоромъ и размѣстились въ приготовленныя коляски. Сперва мы отправились въ новый редюитъ. Го-

сударь изволилъ осматривать оный и часть зданія самъ опредѣлилъ для храненія пороха. Обратившись въ мою сторону, государь сказалъ:

— „Гдѣ мой военный губернаторъ? Тебѣ надо смотрѣть, чтобы комендантъ не ставилъ лишнихъ часовыхъ. Комендантъ здѣсь довольно безтолковъ. И чтобы онъ не смѣлъ прибавлять посты безъ сношенія твоего съ генераломъ Деномъ, а то у насъ все такъ: гдѣ надо двухъ поставить, тамъ не пожалѣютъ десять".

Государь изволилъ хвалить постройку и оттуда слѣдовалъ къ главному валу пѣшкомъ. Внимательно осматривая работы, онъ останавливался нѣсколько разъ, чтобы повѣрить правильность направленія линій, указывалъ на сильныя и на слабыя мѣста крѣпости и хвалилъ чистоту и отдѣлку земляныхъ работъ. Потомъ обратилъ вниманіе на оборонительныя казармы и, изъявивъ свое удовольствіе за все, что было сдѣлано со времени послѣдняго его пребыванія въ Брестѣ, онъ сказалъ генералу Дену:

— „Жаль, что на будущій годъ я не могу продолжать постройку: у меня денегъ нѣтъ". Потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ продолжалъ: — „Да, вотъ прекрасная мысль: Мирковичъ, давай мнѣ денегъ, а я тебѣ приготовлю зданіе для корпуса. Je frapperai d'une pierre deux coups! На твои деньги я построю оборонительную казарму и въ ней размѣщу корпусъ. Какъ ты думаешь, согласятся они?"

„Не смѣю увѣрить, государь, но буду стараться. Я полагаю, что желаніемъ литовскихъ жителей было бы сохранить за Вильною значеніе главнаго центра образованія въ краѣ, такъ какъ нѣсколько столѣтій Вильна этимъ славилась.

— „Однако, это было бы хорошо".

Графу Бенкендорфу, шедшему поодаль, эта мысль, повидимому, не понравилась. На вопросъ наслѣдника: Comment trouvez vous cette idée, онъ отвѣчалъ:

„Je ne la comprends pas, monseigneur. Je ne sais; cela n'entre pas bien dans mes idées. Il me paraît que ce n'est pas conforme ni au caractère de l'empereur, ni à sa munificence; nous sommes accoutumés à le voir toujours généreux".

Государь, слѣдуя по валу крѣпости, обратилъ взоръ къ сторонѣ города и, увидѣвъ огромную толпу евреевъ, слѣдовавшихъ внизу за нимъ, остановился и спросилъ меня:

— „Чѣмъ они живутъ? Надо непремѣнно придумать что съ ними дѣлать, и этимъ тунеядцамъ дать работу. Мнѣ надо ихъ выжить отсюда. Послѣдній разъ, какъ я былъ въ Одессѣ, встрѣтилъ я тамъ толпы шатающихся безъ дѣла цыганъ въ совершенной нищетѣ, нагіе, дѣвки восемнадцати лѣтъ голыя. Безобразіе и позоръ. Я говорю Воронцову [1]): „что ты ихъ не приведешь въ порядокъ?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Мнѣ съ ними не сладить. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, остались безъ успѣха“.—Такъ постой, я съ ними слажу. Всѣхъ бродягъ и тунеядцевъ приказалъ брать, за опредѣленную поденную плату, на работу. Чрезъ мѣсяцъ все исчезло. Можно бы и съ этими подобнымъ образомъ поступить. Подумай-ка, какъ бы изъ нихъ составить рабочія роты для крѣпостныхъ работъ“.

Потомъ государь сошелъ съ вала и, сѣвъ въ коляску, отправился въ оборонительную казарму, въ одной части которой расположена была инвалидная рота, другая часть казармы была еще не отдѣлана. Государь хвалилъ постройку и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— „Ну, посмотри: развѣ тутъ не хорошо размѣстить корпусъ? Прекрасно и все готово“.

Потомъ государь вышелъ и, проходя въ коммисаріатъ, расположенный также въ казармѣ, увидѣлъ опять толпу евреевъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— „Voyez, voyez donc votre bon peuple. A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère!“

Коммисаріатомъ императоръ былъ отмѣнно доволенъ и, дѣйствительно, управляющій коммисіею Нейдгардтъ съ такою роскошью размѣстилъ склады и канцелярію, что можно думать, что находишься въ самомъ нарядномъ магазинѣ. Государь посѣтилъ арсеналъ, тоже расположенный въ казармѣ, отлично устроенный и снабженный всѣмъ на 20 тысячъ человѣкъ войска. Весьма довольный всѣмъ, государь благодарилъ фельдмаршала и сказалъ:

— „Теперь, ежели понадобится войско, я дамъ приказаніе Мирковичу собрать безсрочныхъ, и онъ мнѣ выведетъ 20 тысячъ готоваго войска въ мигъ“.

При проѣздѣ по городу, государь замѣтилъ было, что выставленныя на домахъ числа лѣтъ, опредѣляющія срокъ ихъ

[1]) Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края.

сломки, никакъ не отвѣчали дѣйствительной прочности этихъ домовъ, что явно доказывало злоупотребленія со стороны коммисіи, опредѣлявшей сроки. Онъ обратилъ на это вниманіе фельдмаршала и сказалъ:

— „Это надо передѣлать, тутъ видѣнъ явный подкупъ. Эти жиды кого не подкупятъ, назначь другую коммисію".

Фельдмаршалъ предлагалъ во избѣжаніе новыхъ злоупотребленій сократить всѣ настоящіе сроки на 20 лѣтъ и тѣмъ дѣло скорѣе и безобиднѣе кончить. Но кажется, что государь на это не согласился. Изъ арсенала государь отправился въ новый госпиталь, только-что отдѣланный и въ которомъ только самая малая часть занята была больными. Строеніе это такъ понравилось государю, что, проходя по палатамъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „Mon cher, voilà notre affaire. Ужъ лучше этого ничего нельзя желать для корпуса. Посмотри, что за залы. Я думаю, у тебя сердце радуется". Потомъ, обратясь къ фельдмаршалу, продолжалъ:—„Иванъ Ѳедоровичъ, знаешь-ли? Вѣдь онъ успѣлъ слетать въ Полоцкъ. Вотъ кадетская кровь. За то я увѣренъ, сказалъ мнѣ государь, что къ 1-му мая 1841 года у меня здѣсь будетъ сотня кадетиковъ. Не правда-ли? Ты видишь, какъ у меня это уже воспламенилось; я чувствую, что это уже закипѣло. Посмотри, въ этихъ трехъ залахъ вѣрно размѣстятся роты и для четырехъ ротъ здѣсь будетъ достаточно мѣста. И всѣ принадлежности, все уже готово. Achetez-moi cela. Il est vrai que je vous ferai un compte d'apothicaire, mais vous pouvez bien me payer pour faire construire une caserne, où je mettrai les malades".

Я увѣрялъ государя, что приложу все возможное стараніе къ успѣшному исполненію его желанія, и представлялъ тѣ надежды, которыя самъ имѣлъ, но увѣреній не давалъ.

Объѣздъ крѣпости кончился въ 11 часовъ и всѣ возвратились за государемъ во дворецъ. Мы нашли столъ уже готовымъ. Государь съ наслѣдникомъ прошли во внутренніе покои, мы всѣ остались въ залѣ. Въ ожиданіи обѣда, я переговорилъ съ гр. Бенкендорфомъ и В. Ѳ. Адлербергомъ о предстоящей моей поѣздкѣ въ Кенигсбергъ и разспрашивалъ ихъ съ кѣмъ мнѣ тамъ вступить въ сношенія. Первый мнѣ указалъ на министра внутреннихъ дѣлъ Рохова, какъ на человѣка, къ намъ искренно расположеннаго и съ которымъ можно откровенно говорить;

второй—на генерала Линдгейма, адъютанта короля и его докладчика. Чрезъ четверть часа государь вышелъ и, сѣвъ за столъ, по правую руку посадилъ князя Ивана Ѳедоровича, а мнѣ, указавъ лѣвую сторону, сказалъ:

— „Мирковичъ, садись возлѣ меня".

За столомъ были: наслѣдникъ, генералы Денъ, Малиновскій, гр. Бенкендорфъ, Берниковъ, адъютантъ наслѣдника Адлербергъ и два инженерные полковника, строители крѣпости, всего 11 особъ. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ не сѣлъ за столъ; онъ страдалъ глазами. Во время обѣда разговоръ былъ по большей части о работахъ крѣпости и о войскахъ. Государь разсказывалъ, гдѣ, какъ нашелъ войска, похвалилъ въ особенности 11-ю пѣхотную дивизію. Меня государь спросилъ:

— „Кто у тебя стоитъ въ Вильнѣ?"

— Нижегородскій полкъ, отвѣтилъ я.

— „Порядочный?"

Я не смѣлъ государю иначе отвѣтить, какъ порядочный.

Къ концу обѣда государь сказалъ намъ, что получилъ печальное извѣстіе изъ Петербурга: при артиллерійскихъ опытахъ генералъ Бонтанъ былъ убитъ и съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, отъ взрыва гранаты. Столъ кончился въ полчаса. Государь торопился выѣхать въ 12 часовъ, чтобы въ ночь поспѣть въ Варшаву. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ свой кабинетъ и чрезъ четверть часа вышелъ съ письмомъ въ рукахъ, которое, отдавая мнѣ, изволилъ сказать:

— „Вотъ тебѣ письмо къ королю. Поѣзжай въ Кенигсбергъ. Король мнѣ пишетъ, что онъ сегодня туда отправляется, стало быть, ты поспѣешь къ торжеству, которое должно быть въ первыхъ числахъ сентября ихъ стиля, и кланяйся королю. Въ разговорахъ съ королемъ, ежели будешь имѣть случай, старайся внушить ему тѣ мысли о Польшѣ, которыя мы имѣемъ. Онъ слабъ, онъ предается тѣмъ вліяніямъ, которыя его окружаютъ, и намъ не надо упускать ни одного случая, чтобы раскрывать ему истину. Однимъ словомъ, ты можешь съ нимъ говорить съ тою же откровенностію, какъ и со мною. Мы съ нимъ точно какъ братья. Faites mes excuses à la reine de ce que je n'ai pas pu la voir à mon départ, mais ajoutez que je suis toujours son constant adorateur".

„Jusqu'à quand dois-je rester à Koenigsberg?

— „Vous resterez jusqu'à ce qu'on vous renvoie. Впрочемъ, ежели поспѣешь, то догони меня въ Динабургѣ, а, въ противномъ случаѣ, пришли отвѣтъ въ Петербургъ".

Потомъ государь спросилъ:

— „А гдѣ полковникъ путей сообщенія? Позови его сюда".

Я тотчасъ послалъ за Швиковскимъ, который ожидалъ съ утра. Планъ былъ разложенъ на столѣ и полковникъ объяснилъ, со всею подробностію, производство работъ и удобства мѣстности, гдѣ природа все какъ нарочно устроила для соединенія двухъ рѣкъ. Во время разсказа государь нѣсколько разъ повторялъ: „Это прекрасно, это прекрасно", и, обратясь къ фельдмаршалу, сказалъ:

— „Это во всѣхъ отношеніяхъ, и въ военномъ, и въ торговомъ, будетъ весьма важное сообщеніе; генералъ Мирковичъ полагаетъ, что при ономъ Пинскъ можетъ сдѣлаться другимъ Рыбинскомъ".

Фельдмаршалъ молчалъ, потому что, наканунѣ, разсуждая со мною о нашихъ водяныхъ сообщеніяхъ, онъ утверждалъ, что они всѣ никуда не годятся. Государь поручилъ Швиковскому собрать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о торговлѣ и со своими предположеніями и замѣчаніями представить ко мнѣ.

Въ половинѣ перваго часа императоръ совсѣмъ былъ готовъ ѣхать. Прощаясь со мною, изволилъ взять за руку. Наслѣдникъ подошелъ ко мнѣ, также пожалъ мнѣ руку и поручилъ кланяться принцу Карлу.

Вотъ подробное описаніе пребыванія императора въ Брестѣ, которое для меня останется навѣкъ памятнымъ. Одному Богу, вѣдающему мою преданность царю, обязанъ я за царскія милости и довѣріе ко мнѣ!

Проводивъ государя до коляски, я пошелъ къ фельдмаршалу проститься. Онъ ѣхалъ вслѣдъ за императоромъ, а отъ него отправился домой приготовляться къ отсылкѣ канцеляріи и людей въ Вильно и къ своему отъѣзду. Это продолжалось до 8 часовъ вечера. Наконецъ, сборы мои кончились и въ половинѣ девятаго я выѣхалъ съ адъютантомъ моимъ фонъ-Мевесомъ и двумя людьми, чрезъ Бѣлостокъ, въ Кенигсбергъ.

II.

16-го августа. Проѣхавъ ночью 125 верстъ, я прибылъ въ Бѣлостокъ въ половинѣ восьмаго. Гоноропуло, по послѣднему маршруту, меня ждалъ только 18-го числа. Я велѣлъ ѣхать прямо къ нему; онъ еще спалъ. Засуетился весь домъ и весь городъ. Чрезъ четверть часа вышелъ губернаторъ въ полной формѣ, съ рапортомъ и съ извиненіями, что не былъ предваренъ о моемъ прибытіи. Я его успокоилъ, объяснивъ, что я не для обозрѣнія губерніи пріѣхалъ, но проѣздомъ въ Пруссію, и что я тотчасъ отправляюсь далѣе; намѣренъ только попросить чашку чаю и собрать свѣдѣнія, какъ мнѣ проѣхать ближайшимъ трактомъ. Между тѣмъ, такъ какъ медленность составляетъ отличительную черту сего во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ почтеннаго человѣка, онъ меня весьма долго заставилъ ждать. Я воспользовался этимъ, чтобы съѣздить осмотрѣть дворецъ, перестроивающійся для женскаго института. Прекрасный нѣкогда сей дворецъ [1]), съ великолѣпнымъ садомъ, представилъ мнѣ образецъ ничтожества человѣческаго величія; все тамъ измѣнилось и простота замѣнила великолѣпіе. Я нашелъ работы весьма отсталыми и понудилъ непремѣнно окончить ихъ къ нынѣшней осени. Обойдя всѣ покои, я возвратился съ губернаторомъ къ нему на квартиру.

Намъ подали завтракъ и доставили мнѣ свѣдѣніе о ближайшемъ почтовомъ трактѣ въ Кенигсбергъ. Бѣлостокъ я нашелъ чистымъ, нѣмецкимъ городкомъ; тамъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ Литвѣ. Все опрятно, порядочно и какъ-то весело. Нѣкоторые изъ главныхъ губернскихъ чиновниковъ мнѣ представлялись послѣ завтрака, что меня на нѣсколько времени задержало; со всѣмъ тѣмъ я отправился изъ Бѣлостока въ 11 часовъ съ губернаторомъ, который желалъ меня проводить до границы. На заставѣ меня остановили только для прописки паспорта и я переѣхалъ въ Царство Польское, взявъ дорогу на Ломжу. Остановки мнѣ нигдѣ не было и въ Ломжу я пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера. Тутъ

---

[1]) Принадлежавшій графинѣ Браницкой, сестрѣ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа.

я остановился напиться чаю и поужинать, и чтобъ вновь разспросить о почтовой дорогѣ на Кенигсбергъ. Меня направили на Лыкъ и я выѣхалъ въ 8 часовъ вечера.

17 августа 1840 г. Въ 5 часовъ утра я проѣхалъ чрезъ прусскую границу въ Богуржѣ. Съ польской стороны прописали паспортъ, а на прусской никто насъ не останавливалъ; дѣвченка отворила шлагбаумъ, безъ всякаго разспроса. Въ Лыкѣ я остановился напиться чаю и поѣхалъ далѣе чрезъ Арисъ и Рейнъ въ Растенбургъ, довольно большой городъ, гдѣ я хотѣлъ пообѣдать. Но въ трактирѣ ничего не нашелъ и долженъ былъ довольствоваться кофеемъ и Buterbrod mit Schinken. Дорога отъ Ломжи до Растенбурга была жестокая, особенно, начиная отъ прусской границы; я усталъ до крайности. Все проѣханное мною пространство Пруссіи я нашелъ ничѣмъ не лучше нашей Литвы: города и деревни очень неопрятные, поля весьма обыкновенно обработанныя и дороги прескверныя, хотя и почтовыя. Изъ Растенбурга направился я уже по шоссе въ Прейсишъ-Эйлау, куда прибылъ въ 10 часовъ вечера. Мнѣ оставалось двѣ почты до Кенигсберга. Разсчитавъ, что ежели я отправлюсь тотчасъ, то буду тамъ около двухъ часовъ ночи, самое невыгодное время, чтобъ искать квартиру и разбираться, я рѣшился остановиться на ночь въ Прейсишъ-Эйлау и отправиться далѣе на другой день, весьма рано, чтобъ въ Кенигсбергъ пріѣхать къ 9 часамъ утра. Къ тому же мнѣ отдыхъ былъ необходимъ; я уже нѣсколько ночей не спалъ. Мнѣ отыскали довольно неопрятную маленькую каморку, но была постель, и я, напившись чаю, заснулъ, какъ убитый.

18 августа. Меня разбудили въ 5 часовъ и я тотчасъ отправился, а въ 9 прибылъ въ Кенигсбергъ, спросилъ лучшую гостинницу и меня привезли въ Deutsches Haus. Лучшія комнаты всѣ были уже наняты, съ трудомъ мнѣ могли очистить двѣ комнаты сряду для меня и особо одну комнату для адъютанта, и то ненарядныя. Только что могли выбрать вещи изъ кареты, я послалъ адъютанта къ генералу Линдгейму, королевскому адъютанту, просить доложить королю о моемъ прибытіи, о порученіи, возложенномъ на меня императоромъ, и спросить прика-

занія, когда мнѣ явиться для врученія письма отъ государя. Фонъ-Мевесъ едва только засталъ Линдгейма, который отправлялся съ королемъ въ лагерь 1-го корпуса (генералъ-лейтенанта Врангеля), гдѣ назначено было молебствіе, по случаю рожденія принцессы у принца Альберта, о чемъ извѣстіе получено вчера вечеромъ. Надо было ожидать возвращенія двора изъ лагеря.

Король прибылъ изъ Берлина вчера вечеромъ и былъ принятъ здѣсь чрезвычайно радостно. По пути слѣдованія короля дома были украшены флагами, зеленью и цвѣтами, самыя улицы были разукрашены гирляндами. Королева ѣхала въ каретѣ, а король—верхомъ съ правой стороны.

Въ 2 часа явился ко мнѣ гоффурьеръ съ приглашеніемъ отъ короля къ обѣду, въ три четверти третьяго. Въ назначенный часъ я отправился во дворецъ. Въ первой пріемной комнатѣ встрѣтилъ меня гофмаршалъ фонъ-Мейеринкъ, который указалъ путь въ другую комнату; тамъ адъютанты короля генералы Линдгеймъ и Нейманъ провели меня въ кабинетъ его величества и, сказавъ, что король тотчасъ будетъ, оставили меня одного. Король немедленно вошелъ въ комнату, я подошелъ къ нему и сказалъ: „Sire, je suis chargé par S. M. l'empereur de présenter a votre majesté ses félicitations à l'occasion de la solennité qui doit avoir lieu à Koenigsberg et de remettre à votre majesté une lettre de sa part“. Король, принявъ письмо, сказалъ мнѣ: „Ah! c'est parfaitement aimable de la part de l'empereur, je l'en remercie beaucoup et je lui sais vraiment bien bon gré de m'avoir procuré le plaisir de vous connaitre. Vous êtes depuis peu gouverneur de Vilno?“—„Depuis six mois, Sire.“—„Et qu'est devenu Dolgorouky?“—„Il est nommé gouverneur général des trois gouvernements, de la Petite Russie“.—Потомъ король разспрашивалъ, когда я видѣлъ государя и гдѣ онъ; откуда я отправился; когда государь возвратится; сообщилъ мнѣ радостное извѣстіе о возстановленіи здоровья императрицы. Аудіенція моя продолжалась минутъ десять. Король мнѣ поклонился и я вышелъ опять въ адъютантскую, откуда меня провели въ салонъ королевы. Тамъ уже было персонъ 20, королева дѣлала cercle и съ каждымъ разговаривала. Гофмаршалъ представилъ меня. Я сказалъ королевѣ почти то же, что сказалъ королю. Она спросила меня о здоровьѣ императора и гдѣ онъ находится, и послѣ нѣсколькихъ еще вопросовъ

о дорогѣ, она прошла далѣе. Пока продолжался cercle, я тутъ же представился принцу прусскому (наслѣдному) Вильгельму [1]), которому я напомнилъ, что имѣлъ счастіе ему представляться въ Теплицѣ въ 1838 году. Принцъ Вильгельмъ былъ весьма ласковъ со мною и разговорчивъ. Когда разстворили двери въ столовую, королева пошла впередъ, за нею король и принцъ Вильгельмъ, потомъ дамы, коихъ было только четыре. Гофмаршалъ подошелъ ко мнѣ и, прося меня пройти, сказалъ: „Je prie V. E. de vous placer à côté de S. M. le roi; à votre gauche vous aurez m-lle de Marlitz". Во время стола король былъ весьма внимателенъ ко мнѣ и между прочимъ спросилъ: „Dites moi un peu, qu'est ce qui est arrivé en Galicie? L'empereur m'en parle dans sa lettre, mais je n'ai pas bien compris". Тогда я воспользовался случаемъ, чтобъ объяснить его величеству все то, что слышалъ отъ государя, изложивъ ему сколь мало можно надѣяться на поляковъ, какъ ихъ стремленія къ волненіямъ постоянны и какой строгій надзоръ надо неослабно за ними имѣть. Послѣ обѣда опять былъ cercle съ полчаса. Затѣмъ члены королевской фамиліи, поклонившись, прошли во внутреннія комнаты и всѣ разъѣхались. Министръ внутреннихъ дѣлъ подошелъ ко мнѣ, рекомендовался и сказалъ, что ему весьма интересно со мною познакомиться, ибо сношенія наши будутъ весьма близки по многимъ дѣламъ.

Желая видѣть Кенигсбергъ, я пошелъ съ Мевесомъ по улицамъ пѣшкомъ, въ партикулярномъ платьѣ; народу на улицахъ было множество, особенно около дворца, весьма стариннаго чернаго зданія, воздвигнутаго еще во время тевтонскихъ рыцарей. По возвращеніи домой я получилъ отъ королевскаго шталмейстера увѣдомленіе, что ежели я располагаю быть завтрашній день на маневрахъ, то лошадь верховая будетъ меня ожидать тамъ, гдѣ назначено королевскимъ лошадямъ; я принялъ предложеніе и благодарилъ. А корпусный командиръ ген.-лейт. Врангель прислалъ мнѣ списокъ войскъ, диспозиціи для маневровъ и карты окрестностей Кенигсберга.

---

[1]) Братъ короля—а нынѣ императоръ германскій.

19 августа. Въ половинѣ девятаго отправился я съ Мевесомъ за заставу, гдѣ ожидали верховыя лошади. Король съ принцемъ Вильгельмомъ пріѣхали въ одно время съ нами. Король, послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, сказалъ мнѣ: „Vous ne connaissez pas encore notre Landwehr; c'est bien loin de vos troupes, mais le grand avantage c'est que cela ne coûte rien à la couronne". Мы сѣли на коней и отправились къ войскамъ. Во время маневра я издали увидѣлъ генералъ-адъютанта Мансурова [1]), подъѣхалъ къ нему и почти все время не разлучался съ нимъ, чтобы разспросить обо всемъ, что мнѣ нужно было знать. Онъ мнѣ называлъ всѣхъ, объяснялъ ихъ должности и отношенія. Тутъ же онъ меня представилъ принцу Карлу, младшему брату короля, и принцу Августу, дядѣ короля, и другимъ главнымъ лицамъ, находящимся въ свитѣ. Маневръ кончился въ половинѣ втораго. Всѣ проводили короля до дворца и разъѣхались. По возвращеніи домой, я получилъ приглашеніе къ королю, на обѣдъ, къ тремъ часамъ. Я воспользовался остающимся временемъ, чтобъ сдѣлать необходимые визиты. Принцы Вильгельмъ и Карлъ меня приняли и отмѣнно были ласковы; разспрашивали о моей службѣ и о нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ, которыхъ они знали. Корпусный командиръ г. Врангель и комендантъ города Коскуль приняли меня весьма радушно и вѣжливо. Президента области Шена я не засталъ дома. Къ тремъ часамъ я пріѣхалъ во дворецъ. Передъ обѣдомъ былъ обычный cercle. Принцъ Августъ подошелъ ко мнѣ и извинился, что не могъ меня принять, потому что, возвратившись съ маневровъ, онъ былъ раздѣтъ.

За обѣдомъ меня посадили противъ короля, возлѣ меня сидѣли Мансуровъ и Роховъ. Обѣдъ былъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. Принцы крови сидѣли по сторонамъ короля и королевы, дамы были тѣ же: гофмейстерина графиня Реденъ, наша кавалерственная дама, и гофъ-дамы Марлицъ, Редереръ и Варнекъ. Всѣ онѣ, какъ и королева, были въ траурѣ, который долженъ кончиться 9 сентября по ихъ стилю. Король былъ довольно разговорчивъ, королева, напротивъ, весьма молчалива.

Въ 5 часовъ я возвратился домой и засталъ у себя, къ удивленію моему, одного изъ моихъ виленскихъ жителей, коммерціи

---

[1]) Нашъ посланникъ при прусскомъ дворѣ.

совѣтника Адельсона, который пришелъ ко мнѣ съ почтеніемъ и съ приглашеніемъ переѣхать въ его домъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что въ гостинницѣ мнѣ безпокойно. Я обѣщалъ подумать и на другой день дать ему отвѣтъ. Въ 6 часовъ я отправился продолжать мои визиты и былъ у адъютантовъ короля Линдгейма и Неймана, у генералъ-адъютанта Нацмера, у губернатора Кенигсберга Яски и у министра внутреннихъ дѣлъ Рохова. Но засталъ дома одного Яски, съ которымъ бесѣдовалъ по нѣмецки. Это почтенный старикъ 72 лѣтъ. Отъ него я поѣхалъ къ Мансурову, у котораго провелъ остальное время вечера. Разговоръ съ нимъ былъ для меня отмѣнно интересенъ; онъ 15 лѣтъ живетъ между прусаками и знаетъ ихъ очень хорошо. Дома я нашелъ диспозицію на завтрашній маневръ.

20 августа. Ночь провелъ я весьма худо, стукъ и шумъ въ коридорѣ, ѣзда по улицѣ не дали мнѣ спать и я рѣшился принять предложеніе Адельсона; домъ его былъ на Knipfofsche Langgasse № 42. Маневры въ этотъ день продолжались особенно долго, я очень усталъ и рѣшился, не ожидая конца, отправиться домой. Я былъ удивленъ роскошью отдѣлки комнатъ моей новой квартиры. Хозяинъ, весьма богатый банкиръ, частью живетъ въ Вильнѣ и частью въ Кенигсбергѣ.

21 августа. Утромъ Мансуровъ заѣхалъ за мною, чтобъ отправиться на маневры. Мы поѣхали за городъ, на сборное мѣсто, гдѣ вчера окончился бой. Въ 9 часовъ пріѣхалъ король и начался маневръ. Маневры эти были все, что можно себѣ вообразить томительнаго. Засѣянныя поля травою и не убранная жатва были препятствіемъ для дѣйствія массами; всѣ части съ обѣихъ сторонъ были такъ разбросаны, что никто не понималъ, чего желали командующіе противными сторонами. Пѣхота дѣйствовала только кое-гдѣ, застрѣльщиками; артиллерія стрѣляла съ двойныхъ разстояній; кавалерія дѣлала нѣсколько атакъ, но не бойкихъ. Однако, замѣчательно скоро выравнивалась и хотя движенія ея были безъ соблюденія чистоты, но она дѣйствовала довольно быстро. Ландверные кавалерійскіе полки въ особенности замѣчательны: посаженные на крестьянскихъ лошадяхъ, нанятыхъ на мѣсяцъ и съѣзженныхъ за двѣ недѣли до смотра, они дѣйствовали какъ

войска постоянныя. Король, увидѣвъ меня, изъявилъ сожалѣніе, что вчера я у него не обѣдалъ, и разсказывалъ, какъ онъ провелъ день. По окончаніи маневра, я сдѣлалъ еще нѣсколько визитовъ графинѣ Реденъ, гофмаршалу Ф. Мейеринку, министру Гумбольдту и кабинетъ-совѣтнику Мюллеру. Вечеромъ мы съ Мансуровымъ осматривали обсерваторію.

22 августа. День отдыха для войскъ и свободный для всѣхъ. По утру посѣтилъ меня мемельскій ландратъ Вагенъ, съ которымъ я въ перепискѣ, но котораго еще не зналъ; потомъ я сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ, вдоль берега р. Прегель, осматривалъ купеческую верфь и торговые магазины. Главныя произведенія, привозимыя сюда изъ Литовскаго края, это пенька, хлѣбъ и отчасти конопляное масло. Консулъ нашъ Риттеръ сказывалъ мнѣ, что нынѣ торговля эта ограничивается 300 ватагами, прибывающими почти исключительно изъ Столбцовъ, близь Меречь; но что прежде она доходила до 2,000. Упадокъ торговли приписываютъ уменьшенію потребности въ тѣхъ произведеніяхъ. Биржа ничего не представляетъ замѣчательнаго. Вообще ни щегольства, ни роскоши нигдѣ не видать. Вездѣ простота, умѣренность и нечистота. Кенигсбергъ весь состоитъ изъ весьма старыхъ домовъ, въ три и два окна по фасаду и въ 4 и 5 этажей вышины, съ остроконечными крышами. Улицы до крайности узки. Форштаты, построенные гораздо позже, имѣютъ улицы въ ширину петербургскихъ. Экипажей здѣсь очень мало держатъ, всѣ по большей части ходятъ пѣшкомъ по самой дурной мостовой.

Сегодня король отправился за 6 миль по берегу моря, гдѣ съ фамиліею обѣдалъ. Я получилъ приглашеніе на обѣдъ къ корпусному генералу Врангелю къ тремъ часамъ. Я засталъ тамъ принца Августа, который передо мною извинялся, что не можетъ меня угостить, потому что онъ самъ здѣсь какъ на бивакѣ, безъ хозяйства, но звалъ меня къ себѣ въ Берлинъ. Хозяйка дома вышла съ двумя прекрасными своими племянницами, дочерьми отставнаго генералъ-лейтенанта Врангеля, бывшаго адъютантомъ у покойнаго короля во время походовъ 1813 и 1814 годовъ. Этотъ генералъ Врангель былъ передъ тѣмъ на водахъ, гдѣ познакомился съ русскими семействами гр. Канкрина и адмирала Крузенштерна.

Старшая дочь была съ нимъ и разсказывала мнѣ, какъ она съ нашими дѣвицами подружилась и какъ ей было весело. Все это семейство весьма почтенное и доброе. Хозяйка, окончивъ свой cercle, дала руку принцу, чтобъ вести его къ столу; хозяинъ взялъ свою старшую племянницу, а я—младшую. М-me Врангель посадила меня возлѣ себя, съ правой стороны; принцъ сѣлъ по лѣвую. Во время стола разговоръ былъ очень живой и веселый. Обѣдъ и вина очень хорошіе, прислуга въ щегольской ливреѣ и сервировка прекрасная. Корпусный генералъ въ Пруссіи имѣетъ казенный домъ, который можно назвать великолѣпнымъ, и 10 тысячъ талеровъ оклада, что его весьма обезпечиваетъ. Столъ, однако, продолжался около двухъ часовъ по слѣдующей причинѣ: принцъ Августъ имѣлъ привычку, положивъ себѣ кушанье на тарелку, начинать разговаривать и когда всѣ кончили и у всѣхъ перемѣнили тарелки, тогда принцъ начиналъ ѣсть. Хозяйка во время обѣда меня занимала разговоромъ; по французски она говоритъ очень хорошо. Послѣ обѣда я познакомился съ графомъ Коницомъ, командиромъ 1-й пѣхотной дизивіи. Онъ командуетъ во время настоящихъ маневровъ сѣвернымъ корпусомъ.

23-го августа. Сегодня опять маневры, и я отправился на сборное мѣсто ожидать короля. Его величество прибылъ въ 9 часовъ, поздоровался со всѣми и пошелъ пѣшкомъ по валу, осматривать позиціи войскъ. Въ этотъ день, по диспозиціи, сѣверный корпусъ защищалъ Кенигсбергъ, а южный долженъ былъ атаковать. Долго мы ходили по валу, но никакъ непріятеля не видѣли. Наконецъ, началась ружейная перестрѣлка, и съ нашей стороны, съ валу, изъ 12 пушекъ жарили немилосердно.

Король меня спрашивалъ, что я дѣлалъ вчера и не получалъ ли извѣстій объ императорѣ. Отъ Рауха [1]) король получилъ вчера извѣстіе о приключеніи, случившемся съ Бонтанъ. Я доложилъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя слышалъ въ Брестѣ отъ государя. Смотрѣть было нечего; нигдѣ непріятеля мы не видѣли и разговаривали между собою, окруженные толпами городскихъ зрителей, растянутыхъ по всему валу, между стрѣлками. Я стоялъ съ Мансуровымъ въ пяти шагахъ отъ короля, какъ вдругъ

---

[1]) Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

неожиданное обстоятельство обратило наше вниманіе и удивило до крайности. Одинъ изъ простолюдиновъ, но порядочно одѣтый, проходя мимо короля, взглянулъ на него, снялъ шапку и, тотчасъ опять ее надѣвъ, сошелъ съ вала и шагахъ въ тридцати отъ короля остановился, чтобъ исполнить естественную надобность. Король смотрѣлъ на него сложа руки. Мы съ Мансуровымъ взглянули другъ на друга и ожидали, что будетъ. Но никто не пошевельнулся, чтобъ прогнать этого человѣка. Полиція стояла равнодушно и король не отвернулся, а смотрѣлъ прехладнокровно на эту теньеровскую картину.

Наконецъ, нашему главнокомандующему наскучило ждать непріятеля и обрадовавшись, что явился одинъ непріятельскій батальонъ къ городскимъ воротамъ, приказалъ дать ружейный залпъ и потянулся со всѣми силами, чрезъ городъ, назадъ. Король, который присутствовалъ на маневрахъ не по вкусу, а по обязанности, для угожденія войску, почувствовалъ утомленіе, уѣхалъ во дворецъ въ половинѣ двѣнадцатаго, приказавъ продолжать маневры и предваривъ, что чрезъ полтора часа онъ опять возвратится. Къ тому же онъ обремененъ дѣлами, которыми онъ лично занимается. Независимо отъ докладовъ, онъ самъ читаетъ всѣ получаемыя на его имя донесенія и кладетъ резолюціи. Маневры у него отнимали много времени. Въ 3 часа, по приглашенію, я отправился обѣдать къ королю. Сегодня представлялись ихъ величествамъ прибывшія изъ разныхъ мѣстъ депутаціи, для удостовѣренія въ принятіи народомъ и всѣми сословіями присяги. Всего было персонъ восемьдесятъ; обѣдали въ двухъ залахъ. Меня посадили опять противъ короля, между президентомъ Шеномъ и губернаторомъ Яски, съ которыми пришлось все время говорить по нѣмецки. Общество разъѣхалось въ 5 часовъ, а въ 6 надо было опять собраться на спускъ одного купеческаго корабля, которому его хозяинъ далъ названіе: „Фридрихъ Вильгельмъ IV“. Въ назначенный часъ всѣ мы стали собираться; королевская фамилія прибыла въ $6^1/_2$ къ балкону, для того устроенному, у пароходной пристани. Тутъ я встрѣтился съ Гумбольдтомъ, котораго нѣсколько дней не видѣлъ и воспользовался его необыкновенно пріятною и ученою бесѣдою. Корабль между тѣмъ былъ спущенъ отлично, всѣ были восхищены и скоро разошлись.

24-го августа. Съ утра я чувствовалъ себя не въ силахъ ѣздить верхомъ; ногу мою ломило [1]) и я опасался сдѣлать усиліе. Поэтому я запискою предварилъ Мансурова, что я не могу ѣхать на маневры и просилъ его, въ случаѣ вопроса короля, доложить его величеству о настоящей причинѣ. Я все утро просидѣлъ дома. На обѣдъ былъ приглашенъ къ генералу Врангелю и въ три часа къ нему отправился. Обѣдъ былъ такъ-же пріятенъ, какъ и въ первый разъ. Тутъ я познакомился съ дивизіоннымъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоромъ Грабовымъ, котораго я еще не видѣлъ, такъ какъ онъ, какъ командующій южнымъ отрядомъ на маневрахъ, составлялъ противную сторону. Мансуровъ мнѣ сказалъ, что король поручилъ ему изъявить мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что я не былъ на сегодняшнемъ маневрѣ, потому что маневръ этотъ былъ интереснѣе всѣхъ предъидущихъ. По возвращеніи домой, я нашелъ приглашеніе отъ короля на завтрашній день къ столу въ обыкновенный часъ. Сегодня было собраніе членовъ университета и всего ученаго сословія въ честь Гумбольдта. Ему говорили привѣтственную рѣчь по случаю его пребыванія, въ первый разъ, въ Кенигсбергѣ.

25-го августа. Растагъ отъ маневровъ и для меня необходимый. Цѣлое утро я провелъ дома. Въ половинѣ третьяго я отправился къ королю на обѣдъ. Его величество, увидѣвъ меня, изъявилъ сожалѣніе, что я вчерашняго дня не былъ на маневрѣ, присовокупивъ:

— „Je suis sûr que cela vous aurait fait grand plaisir, car c'était la manoeuvre la plus intéressante et on agissait plus au large“.

За столомъ я сидѣлъ противъ королевской фамиліи, какъ обыкновенно, и попалъ опять между Шеномъ и Яски. Шенъ, оберъ-президентъ восточной и западной Пруссіи, 65-ти-лѣтній старикъ, весьма умный и въ дѣлахъ опытный человѣкъ, но демократъ въ душѣ, хитеръ, военныхъ терпѣть не можетъ и партизанъ представительнаго правленія; онъ насъ весьма не жалуетъ, но скрываетъ это, по обстоятельствамъ. Сегодня у него званый вечеръ въ $7^1/_2$ часовъ. Я отправился въ 8 и засталъ уже боль-

[1]) Генералъ Мирковичъ былъ сильно раненъ въ ногу подъ Бородинымъ.

шое собраніе. Онъ живетъ въ самомъ дворцѣ. Помѣщеніе, въ которомъ онъ насъ принималъ, состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, весьма низкихъ, въ коихъ по большей мѣрѣ могло помѣститься до ста пятидесяти человѣкъ. Званыхъ же было 450 особъ. Можно себѣ вообразить, что это было. Гости безпрестанно прибывали, мы жались такъ, что къ 9 часамъ, передъ выходомъ королевской фамиліи, не было возможности пошевелиться. Духота и жара были нестерпимыя. Королю и королевѣ представляли депутатовъ и ихъ дамъ, и весь вечеръ состоялъ въ томъ. Королевская фамилія возвратилась въ свои покои въ 10 часовъ и мы всѣ отправились по домамъ по скверной, узкой лѣстницѣ. Дамы на этомъ вечерѣ всѣ были въ черныхъ, траурныхъ платьяхъ; жара сдѣлала ихъ весьма неавантажными: лица у нихъ были раскраснѣвшія, волосы развитые и распущенные; всѣ въ поту. Они тянулись, чтобы заглядывать на королевскую фамилію, и представляли какое-то странное зрѣлище.

26-го августа. Въ 8 часовъ отправился я къ сборному мѣсту для большаго маневра соединеннаго корпуса противъ обозначеннаго противника. Дѣйствіе началось кавалерійскими атаками, которыми король былъ недоволенъ. Проѣзжая мимо меня, онъ мнѣ сказалъ самымъ спокойнымъ образомъ:

— „Quelle misérable attaque, elle me met vraiment au désespoir“.

Вообще его величество дѣлалъ много замѣчаній, и при окончаніи маневра, собравъ вокругъ себя всѣхъ начальниковъ, батальонныхъ и эскадронныхъ командировъ, съ четверть часа сообщалъ имъ то, что онъ находилъ неправильнымъ и нехорошимъ. Затѣмъ, король велѣлъ собрать всю кавалерію, которая прошла передъ его величествомъ по-взводно.

Во время маневра я былъ представленъ прибывшему ночью принцу Альберту [1]). Я возвратился домой въ 2 часа, только чтобъ оправиться и переодѣться, а въ половинѣ третьяго отправился во дворецъ къ обѣду. Сегодня было необыкновенное явленіе. Въ числѣ гостей находился епископъ Познанскій Дунинъ, бывшій въ изгнаніи и прощенный вслѣдствіе манифеста. Онъ

[1]) Братъ короля.

представлялся королю передъ обѣдомъ и королева сказывала, что онъ такъ оробѣлъ, что губы у него дрожали, когда онъ говорилъ съ его величествомъ.

Причина его изгнанія была слѣдующая. Издавна уже принято правиломъ, что, при смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ съ католиками, дѣти мужскаго пола принимали вѣру отца, а дѣти женскаго пола — вѣру матери. Епископъ Дунинъ началъ этому сопротивляться и требовалъ, что ежели отецъ католикъ, то всѣ дѣти должны быть того же вѣроисповѣданія. Хотя его вразумляли тѣмъ, что что онъ далъ присягу въ непремѣнномъ исполненіи законовъ государства, но онъ, подстрекаемый своею сестрою и однимъ духовнымъ лицомъ изъ его окружающихъ, отвѣчалъ, что совѣсть ему воспрещаетъ слѣдовать даннымъ обѣщаніямъ и что никакая сила не можетъ его заставить перемѣнить мысли. Всѣ мѣры для приведенія его къ покорности были истощены и покойный король приказалъ ему оставить Познань и ѣхать въ крѣпость Кельнъ. Передъ возвращеніемъ въ паству, ему предложено было удалить то духовное лицо, которое имѣло надъ нимъ столь сильное вліяніе. Онъ это исполнилъ. Прибывъ въ Познань, онъ, однако, не сдѣлалъ визита тамошнему президенту Флотвелю, который объ этомъ донесъ. Когда епископъ явился въ Кенигсбергъ, ему объ этомъ напомнили, но онъ опять заупрямился, отзываясь, что президентъ его обидѣлъ. Тогда ему дали знать, что до обидъ этихъ правительству дѣла нѣтъ, и что онъ долженъ оказать главному правительственному лицу въ краѣ подобающую ему честь, безъ чего онъ не будетъ представленъ королю. Епископъ Дунинъ исполнилъ и это требованіе и былъ представленъ королю.

Всю эту исторію разсказывалъ мнѣ министръ Роховъ, возлѣ котораго я сидѣлъ за столомъ.

По другую мою сторону былъ гр. Арнимъ, посолъ при французскомъ дворѣ, съ которымъ я сегодня познакомился. Онъ здѣсь въ отпуску. Весьма пріятный человѣкъ.

27-го августа. Въ 9 часовъ утра назначенъ былъ большой парадъ. Король съ принцами и королева прибыли въ колоскахъ. Его величество сѣлъ верхомъ, спросилъ Мансурова тутъ ли я, и когда меня увидѣлъ, милостиво со мною поздоровался, затѣмъ онъ поскакалъ къ фронту. Войска стояли въ двѣ линіи: въ первой—пѣхота въ колоннахъ по-батальонно, во второй—кавалерія

въ полковыхъ колоннахъ. Король объѣхалъ обѣ линіи шагомъ. Войска были отлично выровнены, всѣ въ новомъ и стойка превосходная. По объѣздѣ, король поскакалъ на середину и движеніе началось. Войска проходили два раза, сначала на разомкнутыхъ дистанціяхъ, потомъ въ колоннахъ. Парадъ былъ такъ хорошъ, что у насъ не всегда и гвардейскій корпусъ столь удачно отдѣлывается. Люди одушевлены были особеннымъ желаніемъ угодить королю; все шло стройно и прекрасно. Во время парада король обратился ко мнѣ и сказалъ:

— „Comme je regrette que l'empereur ne soit pas ici. Cette parade lui aurait fait vraiment grand plaisir".

По окончаніи парада мы поскакали за королемъ въ лагерь ландверной кавалеріи (версты двѣ отъ мѣста парада), чтобъ ожидать ее вступленіе. Когда это кончилось, мы поскакали въ другую сторону, тоже версты двѣ, чтобъ смотрѣть вступленіе пѣхоты. Насмотрѣвшись вдоволь, мы сѣли въ экипажи и отправились въ Кенигсбергъ, верстъ за десять.

Во дворцѣ, передъ обѣдомъ, я увидѣлъ только-что пожалованныхъ новыхъ кавалеровъ и поздравилъ ихъ съ полученными наградами. Командовавшій 1 корпусомъ генералъ-адъютантъ Нацмеръ получилъ Чернаго Орла и произведенъ въ генералы отъ кавалеріи; генералъ Врангель, командующій нынѣ корпусомъ, утвержденъ командиромъ корпуса и получилъ Краснаго Орла 1-й степени. Дивизіонные генералы—гр. Коницъ и Грабовъ получили тотъ-же орденъ 2-й степени. Король изволилъ спрашивать меня о парадѣ и выразилъ мнѣ насколько онъ имъ былъ доволенъ. Послѣ обѣда принцъ Вильгельмъ подошелъ ко мнѣ и въ разговорѣ, между прочимъ, коснулся непріязненныхъ отношеній обоихъ народовъ, на границѣ, по причинѣ запретительной нашей системы, при чемъ замѣтилъ, что это тѣмъ болѣе прискорбно, что вражда можетъ распространиться далѣе, внутрь страны, и тогда могутъ возникнуть неудобства въ политическомъ отношеніи.

Въ 8 часовъ отправился я на вечеръ къ генералу Врангелю, на который приглашенъ былъ король и вся королевская фамилія. Трауръ еще продолжался и танцевъ не было. Чтобы занять гостей, хозяинъ устроилъ вокальный концертъ. Въ саду была иллюминація и военная музыка. Вечеръ кончился въ 10 часовъ.

Гостей было несравненно менѣе, чѣмъ у Шена, и все было отборнаго вкуса.

28-го августа. По случаю предстоящаго завтра торжества, сегодня при дворѣ пріема не было. Гумбольдтъ прислалъ мнѣ на память карту Хивы, составленную подъ его руководствомъ.

Въ 7 часовъ вечера я отправился на праздникъ, который давали королю представители трехъ сословій, собранные въ Кенигсбергъ, на ландтагъ трехъ провинцій: восточной и западной Пруссіи и княжества Познанскаго. Рядъ экипажей былъ такъ великъ и улицы такъ узки, что надо было сидѣть въ каретѣ болѣе часу, пока можно было добраться до подъѣзда. Я вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ, что многіе дѣлали. Праздникъ былъ данъ въ экзерциръ-гаузѣ, потому что въ городѣ нѣтъ большихъ залъ. По срединѣ этого экзерциръ-гауза устроена была открытая полукруглая палатка для короля. Въ ней на возвышеніи, обтянутомъ краснымъ сукномъ, поставлено было два трона. Палатка была изъ бѣлой кисеи съ наклеенными бумажными золотыми звѣздочками. По обѣимъ сторонамъ, въ длину экзерциръ-гауза и соединяясь съ среднею палаткою, были еще двѣ обширныя палатки, въ коихъ накрыты были столы для ужина. Эти палатки были также изъ кисеи, но полосатой, бѣлой съ голубымъ, и мѣстами украшены золотыми фраижами. Освѣщеніе все было ламповое. Съ передней стороны манежа пристроена была огромная квадратная аван-зала, саженъ 15 въ квадратѣ, съ хорами и эстрадами въ прекрасномъ вкусѣ. По правую сторону была устроена особая ложа для королевской фамиліи, а по обѣимъ сторонамъ галлереи—для почетныхъ гостей. Противъ ложи была сцена для живыхъ картинъ; на хорахъ помѣщались музыканты и пѣвицы. Все это было убрано и расписано отлично. Передъ аван-заломъ, для входа, устроена была круглая бѣлая палатка, посреди которой стоялъ бюстъ короля, окруженный цвѣтами. Король пріѣхалъ въ 8 часовъ и былъ встрѣченъ громогласнымъ ура. Онъ обошелъ съ королевою все помѣщеніе, любовался имъ, хвалилъ убранство и останавливался, чтобъ говорить съ почетнѣйшими гостями. Подойдя ко мнѣ, король сказалъ:

— „Lindheim m'a dit que vous voulez partir. (Я передъ тѣмъ просилъ доложить королю, что, желая застать императора въ Ди-

набургѣ, я прошу позволенія отправиться въ ночь 29-го числа,— дня, назначеннаго для Huldigung). J'en suis vraiment fachè, mais je n'ose pas vous retenir. Ma lettre pour l'empereur est prête. Mais vous ne partirez pas avant la cérémonie".

— Non, sire, j'aurai encore le bonheur de vous offrir les félicitations de la part de S. M. l'empereur".

Потомъ король говорилъ о красотѣ залы, о жарѣ, о многолюдствѣ собранія. Убранство палатокъ и декоративная часть были выполнены однимъ берлинскимъ драпировщикомъ, нарочито вызваннымъ въ Кенигсбергъ.

Въ половинѣ девятаго королевская фамилія отправилась въ свою ложу. Я слѣдовалъ со свитою. Давка была необыкновенная Всѣ приглашенные, до четырехъ тысячъ особъ, столпились въ аван-залу, чтобъ смотрѣть на живыя картины. Не взирая на огромную высоту залы, было чрезвычайно жарко и душно, такъ что двухъ дамъ, упавшихъ въ обморокъ, на моихъ глазахъ, насилу могли вынести. Для живыхъ картинъ были избраны сюжеты изъ знаменитѣйшихъ эпохъ прусской исторіи. Всѣхъ картинъ было пять и каждая показывалась два раза. Въ промежуткахъ читалась поэма, объясняющая содержаніе картинъ. Все это было дѣйствительно прекрасно исполнено. По окончаніи представленія королевская фамилія слѣдовала къ ужину, обошла обѣ палатки, гдѣ уже гости заняли мѣста, и затѣмъ размѣстилась за приготовленнымъ для нея столомъ. Давка была такъ велика, что свита короля едва могла, и то съ большимъ трудомъ, идти за нимъ, однако, я пробился къ столу и сѣлъ съ познанскимъ оберъ-президентомъ за ужинъ. Къ концу ужина пили за здоровье короля съ крикомъ: „Lebe hoch!" Потомъ король пилъ за здоровье дававшихъ праздникъ и благодарилъ за волшебное угощеніе. Въ 11 часовъ все кончилось. Король всталъ изъ-за стола, отправился во дворецъ и всѣ стали разъѣзжаться. Праздникъ этотъ, говорятъ, стоитъ 24 тысячи талеровъ. . . . . .

2007050021